

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПЕРВОГО ИМПЕРАТИВА Г. ЙОНАСА

Л. М. Никитина, Ю. И. Трещевский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 сентября 2010 г.

Аннотация: рассматриваются теоретические и практические аспекты развития корпоративной социальной ответственности в контексте этической концепции Г. Йонаса. Показано, что использование первого категорического императива указанного автора приводит к противоречивым результатам. Наряду с возможностями позитивного развития социальной ответственности возникают проблемы теоретического и практического свойства, решение которых требует переноса объекта ответственности из будущего в настоящее.

Ключевые слова: ответственность бизнеса, ответственность перед будущим, последствия технического развития, долг предпринимателей, этика предпринимательства.

Abstract: in article theoretical and practical aspects of development are considered. Corporate social responsibility in a context of the ethical concept of G. Jonas. It is shown that use of the first categorical imperative of the specified author leads to inconsistent results. Along with possibilities of positive development of social responsibility, there are problems of the theoretical and practical property which decision demands carrying over of object of responsibility from the future in the present.

Key words: responsibility of business, responsibility before the future, consequences of technical development, debt of businessmen, ethics of business.

Ганс Йонас является в настоящее время одним из наиболее цитируемых авторов в области социально-экономической ответственности. В то же время, за исключением философских работ, его взгляды рассматриваются весьма фрагментарно, что привело нас к мысли проанализировать их более обстоятельно с теоретической и практической точек зрения с позиций применения в социально-экономической сфере деятельности.

Первый императив Г. Йонаса заключается в необходимости сохранить человечество – «человек должен быть». Собственно, данное положение всегда в явном или неявном виде присутствовало в этических доктринах. Обычно речь шла не только об этом, но и том, каким должен быть этот существующий человек. Эти положения сохраняют свое значение и в настоящее время. Однако чрезвычайно высокая интенсивность влияния человека на окружение, в том числе и на человечество в целом «навязывает этике новое, прежде немислимое измерение ответственности» [1, с. 29].

Новым измерением ответственности, ее объектом, Г. Йонас первоначально называет биосферу всей планеты, связывая это с кардинальным изменением природы человеческой деятельности, приведшим к власти над ней. По сравнению с данным объектом все прежние становятся ничтожно малы-

ми. Проблема, по мнению автора, заключается в том, что технико-технологическая деятельность утратила локальный характер, в результате чего сформировались протяженные во временном и пространственном смыслах необратимые каузальные ряды. Первостепенное значение в связи этим приобретают те последствия, которые изначально не имелись в виду, не принимались во внимание и не прогнозировались. Вся традиционная этика принимала во внимание лишь некумулятивное поведение, современная – должна сделать акцент именно на накапливаемых последствиях, а не непосредственных результатах.

Отметим три принципиально важных для формирования современной концепции корпоративной социальной ответственности следствия, прямо вытекающих из первого императива Г. Йонаса.

Во-первых, техническое воздействие человека на природу осуществляется предприятиями, которые, с одной стороны, находятся в чьей-то собственности и работают под руководством менеджеров, относящихся к их внутренней среде; с другой – используют средства производства, произведенные, как правило, вне данного предприятия. Таким образом, за результаты в глобальном смысле отвечают, в соответствии с указанными Г. Йонасом тенденциями, не только и не столько конкретные предприятия, сколько техноструктура (го-

вора словами Т. Веблена) общества в целом. Этот вывод, в известной степени обоснованный, может оказывать неблагоприятное влияние на реальное поведение предприятий, поскольку ответственность не персонифицируется. Ответственными оказываются все, а следовательно, никто конкретно. Невозможно предписать предприятиям использование устаревшей, малопроизводительной техники или, напротив, прогрессивной, но пока неэкономичной. Поэтому основная роль в установлении правил экономического поведения переносится на общественные структуры, прежде всего – государство и институты гражданского общества.

В то же время сохраняется и персонифицированная ответственность – собственников и менеджеров за произведенную продукцию, качество которой, ее соответствие требованиям «этики биосферы» находится в прямом их ведении. В этом случае ответственность оказывается так же, как и ранее, локализованной. Другое дело, что степень этого локализованного воздействия существенно возросла.

Увеличение технической мощи производственного сектора не вызывает сомнения, но неизбежно возникает вопрос, заключается ли проблема уровня воздействия на окружающую среду в уровне техники, характере технологии или она связана с другими особенностями развития биосферы, в том числе и самого человека.

Во-вторых, неизбежен вопрос: возможна ли этика, понимаемая в узком смысле, как определенный аспект социально-экономических отношений, выходящая за пределы межчеловеческого пространства и распространяемая на его внешнюю среду. Мы полагаем, что это вряд ли возможно, в противном случае придется признать, что существует и внечеловеческая экономика. В теоретическом плане такое признание означает отказ от общепринятых всеми экономическими школами постулатов. В практическом смысле данный тезис не получает подтверждения: спрос, предложение, само производство осуществляются людьми и для людей, даже если продукты производства не могут быть употреблены непосредственно, как, например, культовые предметы.

В связи с этим, если не окажется теоретически обоснованных и практически значимых подтверждений того, что этический аспект социально-экономической деятельности людей следует распространять за пределы человеческих отношений, следует считать его ограниченным последними.

В-третьих, вопрос заключается в том, чем является биосфера в понимании Г. Йонаса и в качестве объекта корпоративной социальной, ответственности: объектом, имеющим самоценность или средой обитания человека. В первом случае мы должны придерживаться логики ответственного поведения перед всей земной жизнью вообще (не будем сбрасывать со счетов эту версию – «биоцентрическую» в качестве теоретически допустимой); во втором – остаться на позициях антропоцентрической версии ответственности.

В рамках обеих версий ответственности внешне неоспоримым является тезис Г. Йонаса о необходимости самоконтроля за «непомерной мощью» человечества [1, с. 30]. С позиций корпоративной социальной ответственности совершенно очевиден вывод о том, что незнание конкретных последствий реализации принятых управленческими решениями не снимает с них ответственности не только за непосредственный результат, но и за отдаленные последствия. Верное прогнозирование входит в круг обязанностей менеджеров. Незнание – не основание для безответственности в сфере социально-экономических отношений. Можно считать, что в данной области начинает действовать своеобразный аналог юридических отношений, требующий исходить из презумпции знания последствий принятых и реализованных решений.

Из первого императива, по мнению Г. Йонаса, вытекает необходимость переосмысления учения о поведении, т.е. этики, подчинения ее учению о бытии, т.е. метафизике [1, с. 31]. В этом случае главную роль играет «не индивидуальный деятель и индивидуальное действие, но коллективный деятель, коллективное действие; а ответственность за действие в куда большей степени тяготеет над сферой неопределенного будущего, нежели над непосредственно окружающим действием временным пространством. Это требует императивов нового рода. Если область производства вторглась в пространство существенно значимой деятельности, нравственность должна проникнуть в область производства, от которой она ранее была обособлена, и должна это сделать в общественно-политической форме» [1, с. 32].

Отметим два тезиса Г. Йонаса, принципиально важных для анализа и практического формирования корпоративной социальной ответственности: коллективный характер деятельности и необходимость проникновения нравственности в область производства в общественно-политической форме.

Их отношение только к современности вызывает сомнения.

Во-первых, нравственность всегда была включена в сферу производства в силу неразделимости технико-технологических и организационно-экономических отношений. В любое время производственная деятельность оценивалась с точки зрения предмета, характера производства и его «общественно-политической формы». Так, еще Ксенофонт писал: «Занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах. Ведь ремесло вредит телу и рабочим, и надсмотрщикам, заставляя их жить сидя, без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня. А когда тело изнеживается, то и душа становится гораздо слабее. К тому же ремесло оставляет очень мало свободного времени для заботы еще о друзьях и родном городе. Поэтому ремесленники считаются непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества» [2, с. 267–268].

Как видим, вид деятельности в его натуральной форме рассматривается в непосредственной связи с выполнением общественных функций. Проблема ответственности в сфере производства в связи с его общественной формой принципиально не изменилась за прошедшие две с половиной тысячи лет.

Во-вторых, ответственность производителя – корпорации или иной производственной единицы, причем независимо от уровня развития производительных сил, изначально является коллективной в силу кооперативного характера человеческой деятельности, а не только широкого объекта воздействия.

В сфере кооперации труда, конечно, произошли качественные изменения, связи из локальных превратились в глобальные, соответственно, последствия вышли далеко за пределы непосредственного производства, осуществляемого тем или иным предприятием или его подразделением. Это существенно изменило возможность разграничения ответственности, вытекающей из конкретных действий. Локализация функций в результате разделения труда и расширения кооперационных связей сделала почти неуловимой ответственность конкретного лица. Это не снимает проблемы ответственности, а усложняет ее решение, вводит противоречие в систему отношений управления: менеджер, управляющий конкретным процессом, объектом, формально не отвечает за общие последствия (неважно – какие именно), но ответственен за них как участник компании. Поэтому целе-

сообразно в рамках теоретических представлений о корпоративной социальной ответственности ввести понятие «инстанция ответственности».

М. Солодка, расширив представления Х. Ленка, выделила пять структурных элементов ответственности, включая понятие «инстанция»: субъект ответственности (кто отвечает); лицо или инстанция, перед которой ответственен субъект (перед кем отвечает); объект ответственности (за что отвечает); время ответственности; пространство ответственности [3].

На наш взгляд, понятие «инстанция» должно включаться в любой элемент ответственности, имеющий сложную структуру. В этом случае инстанция относится прежде всего к такому сложному субъекту, как современное предприятие, предполагающее развитую систему разделения труда не только непосредственно в производстве, но и в управлении. Инстанциями ответственности в нем являются: каждый управленец, звено управления, подразделение предприятия, собственники и их группы. Но понятие «инстанция» является существенным в предлагаемой Х. Ленком и М. Солодкой трактовке ответственности, поэтому перенос его на более низкий уровень, вглубь структуры ответственности требует введения иного элемента в паре «субъект – инстанция».

Представляется, что если отойти от объединения «предмета» и «объекта» одним термином «Gegenstand», свойственного немецкой философской литературе, то можно выделить в качестве отдельного элемента ответственности, в том числе и корпоративной, «предмет», т.е. то, за что отвечают. В этом случае конструкция Х. Ленка приобретает вид:

- субъект ответственности (кто отвечает как некоторая целостная сложная структура, например, корпорация);
- инстанция субъекта ответственности (кто именно в составе субъекта отвечает за результат и последствия);
- предмет ответственности (за что именно отвечает субъект или его инстанция);
- объект ответственности (перед кем ответственны субъекты или его инстанция);
- инстанция объекта ответственности (перед кем конкретно ответственны субъект или его инстанция в объекте сложной структуры, например, в указанной Г. Йонасом биосфере).

Обратим внимание на то, что у Г. Йонаса объект трактуется как то, перед кем обязано нынешнее поколение человечества поколения отдаленного

будущего: «Присутствие человека в мире (выделено в цитируемом тексте. – Л. Н., Ю. Т.) было изначальной и не требовавшей дальнейших вопросов данностью, изначальной для всякой идеи обязанности в сфере человеческого поведения; теперь же само это присутствие стало *объектом* обязанности, а именно той, что является первой предпосылкой всякой обязанности, т. е. обеспечить в будущем наличие в материальном мире кандидатов на вхождение в нравственный универс как таковых. Среди прочего, это означает поддержание нашего материального мира в таком состоянии, что условия для их наличия остаются неприкосновенными, а это, в свою очередь, подразумевает ограждение ранимости этих условий от всего, что представляет для них угрозу» [1, с. 33].

В не сформулированном Г. Йонасом виде в цитируемом положении присутствует не только объект – будущие поколения человечества, но и предмет – условия, т.е. за что именно отвечают человек и образуемые им структуры, включая все человечество. Ставится задача сохранить природу как непереносимое условие существования человечества. Подобный императив не только правомерен, но и необходим, его, как и первый (существование человечества) следует рассматривать в качестве категорического. Но, представляется, что разграничение ответственности перед будущими поколениями в прошлые эпохи и в современном мире проводится неправомерно. Кроме того, вызывает сомнение необходимость и возможность сохранить условия «неприкосновенными», т.е. в нынешнем виде.

Для развития идеи ответственности, связанной у Г. Йонаса с технической мощью производства, он вводит понятие «жертва»: «Никакого противоречия нет и в том представлении, что счастье нынешнего и следующего поколений может быть куплено ценой несчастья или даже несуществования последующих поколений, как и в том, что, наоборот, счастье и существование последующих поколений может быть куплено ценой несчастья, а частью – даже и уничтожения поколения нынешнего. Рассуждая *логически*, жертва будущим ради настоящего несколько не уязвимее, чем жертва настоящим ради будущего» [1, с. 33]. Присутствие «жертвы» не вызывает сомнения у автора, во всяком случае не предлагается вариант ее отсутствия. Между тем обязательность ее не доказана, а введена в качестве постулата.

Г. Йонас предполагает возможное неприятие жертвы настоящим ради неопределенного будущего и потому обращается к обоснованию исходного императива, фактически еще раз декларируя его: «Нелегко, а без религии, быть может, и вовсе невозможно дать теоретическое обоснование того, почему у нас нет такого права, почему мы, напротив того, имеем обязанность перед тем, чего еще вовсе нет и что “как таковое” быть несколько не обязано, и уж во всяком случае, как несуществующее, никак не в состоянии *претендовать* на бытие. Наш императив принимает это поначалу как аксиому, без обоснования» [1, с. 34].

На наш взгляд, исходный императив не нуждается в доказательстве, поскольку его истоки имеют досоциальное происхождение: в идеале любая система стремится к самосохранению, тем более – биологическая или социальная.

Неизбежность жертвенной альтернативы: настоящее или будущее, ставит, на наш взгляд, проблему ответственности в опасную с точки зрения практических действий плоскость. Г. Йонас сам приводит свидетельствующие об этом примеры: «На память приходят следующие три примера: прохождение земной жизни, вплоть до полной жертвы собственным счастьем, с постоянной ориентацией на спасение души; предусмотрительная забота законодателя и государственного деятеля о будущем общем благе; и, наконец, политика утопии, готовая использовать ныне живущих исключительно как средство достижения цели, помещаемой после них, либо устранить их как помеху такому достижению, наиболее ярким примером чего служит революционный марксизм» [1, с. 35].

Первые два примера никак не связаны с производственной деятельностью, независимо от ее характера и масштабов: спасение души вообще выходит за пределы отношений внутри социума и его контакта с природой, оно относится к трансцендентному; забота государственного деятеля о будущем благе не связана с технической мощью – реформы Солона или Перикла были не менее ориентированы на него, чем деятельность современных руководителей развитых государств.

Особого внимания заслуживает обращение автора к концепции К. Маркса, но в ней нет ни жертвенности, ни альтернативы, ни собственно утопии. Становление нового способа производства происходит естественным путем, в силу реально

состоявшегося обобществления производства (во всяком случае, так считал сам автор «Капитала»): «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой» [4, с. 773].

Альтернатива настоящего и будущего, а также жертвенность появились при построении реального социализма, имеющего, на наш взгляд, мало общего с теоретическим марксизмом. Тогда перед политическими деятелями жизнь поставила вопрос, требующий практического решения: чем жертвовать – настоящим или будущим? Выбор был сделан в пользу будущего. Такой выбор имеет вполне естественное, очень практичное основание: будущего нет, поэтому ему можно приписывать сколь угодно привлекательные, или напротив, безобразные черты. Во имя прекрасного будущего были принесены реальные жертвы из числа людей настоящего, причем будущее, по мере развития стран социалистического лагеря, отодвигалось все более вдаль.

В альтернативе Г. Йонаса, как ни странно, будущее тоже отодвигается вдаль. Переноса ответственность в неопределенное будущее, автор лишает ее конкретности, а значит, и самого осуществления. В этом случае тоже (как в процессе построения коммунизма) настоящее приносится в жертву будущему.

Следует также учитывать, что, жертвуя настоящим, человек в еще большей степени жертвует будущим: заниженная оценка одного и того же блага в будущем по сравнению с его оценкой в настоящем является фундаментальным свойством экономических действий человека. На этом положении строится фактически вся классическая экономическая теория, начиная с идеи А. Смита об отказе от потребления, как источнике накопления капитала, до взглядов Е. Бем-Баверка на происхождение процента.

Существенной проблемой в концепции Г. Йонаса является видение будущего, в частности состояние человечества и окружающей среды. Постоянным лейтмотивом его работы является сохранение того и другого в неизменном состоянии: «Современность... существует не ради выглядящего как-то совсем иначе будущего, но в случае удачи сохраняется также и в аналогичном ей будущем, и поэтому сама по себе должна быть такой же оправданной, как и оно» [1, с. 37].

Обратим внимание на то, что Г. Йонас указывает на неизменность условий в настоящем и будущем. Между тем эти условия с практической точки зрения должны меняться именно для того, чтобы обеспечить будущее. Представляется, что сохранение среды обитания в том виде, в каком она была при Гесиоде или М. Катоне, вряд ли обеспечило бы сносные условия существования современному человеку.

Если отвлечься от практической потребности изменять настоящее, чтобы обеспечить будущее существование человечества, и обратиться к сугубо теоретическому аспекту проблемы, то оказывается, что между будущим как таковым, в метафизическом смысле, и конкретным будущим, т.е. настоящим, перенесенным во времени, существуют принципиальные различия. Абстрактное будущее лишено предметности – существует только виртуальный объект, а неизменное настоящее, транспортированное в будущее, – предметно. Тогда, фактически, предметом ответственности становится сохранение мира в неизменном состоянии. Это принципиально изменяет характер социальной ответственности, в том числе и корпоративной, она не требует далекого прогнозирования и снова становится краткосрочной, локализованной – важно в процессе деятельности не нарушить статус-кво в биосфере и социуме. Пока не будем останавливаться на возможности добиться этого.

Следует отметить также значительную долю антропоцентризма в концепции Г. Йонаса, только он (антропоцентризм) имеет другой вектор. В классическом варианте предполагается, что человек является самодостаточной и абсолютно доминирующей ценностью, а у Г. Йонаса – абсолютно могущественным. Надо полагать, что это – чрезмерное преувеличение сил человека и возможностей производственной деятельности. Внутренние, не зависящие от социума, процессы приводили и приводят к мощнейшим изменениям природы и социума в силу действия космических и земных сил. Отметим в связи с этим только одно из исследований, посвященное изменениям в биосфере и социуме. Л. Гумилев писал: «Грозный X век был временем грандиозных перемен... Жестокая вековая засуха, поразившая в X веке степную зону Евразии, ослабила печенегов и гузов, кочевья которых захватила пустыня... Подъем уровня Каспия остановился, так как циклоны переместились еще севернее – в бассейн Белого моря, где стали легко

плавать ладьи викингов. Но для степняков это не было утешением, ибо их родина потеряла озера, вокруг которых еще недавно паслись овцы, и ридники, водой которых можно было напоить коней» [5, с. 45–46]. Низкий технический уровень производства того периода и в то же время высокая плотность населения Прикаспия X в. позволяют предположить возможные отрицательные последствия хозяйственной деятельности на природную среду, но не такой степени, чтобы изменить климат. Изменения произошли, возможно, и с участием человека, но его роль не была решающей. В любом случае последующим поколениям природа не досталась в состоянии благоприятного IX в. Люди стали решать проблему способами, присущими тому периоду.

Не очень веря в добрую волю нынешнего поколения людей, в его готовность пожертвовать настоящим ради будущего, Г. Йонас считает необходимым обратиться к страху как стимулу в поисках ответственного поведения: «Эвристика страха, разумеется, не есть последнее слово в наших поисках добра, она тем не менее является здесь в высшей степени полезным первым словом, и от нее следует взять все, что она способна дать в той области, где нам отпущено так мало слов, являющихся сами по себе» [1, с. 48].

Отметим, что для рассмотрения социального феномена (ответственность) автору потребовалось обратиться к досоциальным факторам, страх – биологическое явление. Следовательно, по мнению автора, собственно в социальной сфере недостаточно мотивов и стимулов для ответственного поведения.

С практической стороны данный стимул вряд ли можно признать эффективным. Страх перед злом может побуждать к поиску не только добра, но и альтернативного зла или вообще парализовать деятельность. Страх, лежащий в основе действий, приведет к неверным прогнозам, он будет блокировать возможные позитивные решения, если риск покажется (а не окажется) значительным. Это тем более опасно, поскольку то, чего следует опасаться, по мнению Г. Йонаса, неведомо, не имеет аналогов ни в прошлом, ни в нынешнем опыте [1, с. 48].

На наш взгляд, строить практические действия на неведомом – означает невозможность поставить цель, декомпозировать ее на задачи, изыскать ресурсы, провести мониторинг. Учет неведомого при движении к конкретной цели – сохранению социума и среды его обитания в неизменном виде озна-

чает отказ от управления этим процессом в принципе, поскольку управление требует высокой степени определенности. Г. Йонас сам признает этот факт: «Фактически же экстраполяция требует научности даже еще более высокой ступени. Ибо того, чего оказывается достаточным для ближнего прогноза, на основании которого всякий раз предпринимаются соответствующие действия в рамках технической цивилизации, может оказаться принципиально недостаточным для прогноза отдаленного, к которому мы стремимся в экстраполяции, необходимой для этических целей. Этому отдаленному виду прогноза навсегда отказано в надежности, которой обладает ближний прогноз, без чего вообще не было бы в состоянии функционировать все технологическое предприятие» [1, с. 49].

Таким образом, ответственное поведение и управление производственными процессами распространяются у Г. Йонаса на различные временные интервалы. В соответствии с классификацией элементов, предложенной М. Солодкой, время ответственности производителя всегда локально, а ответственного поведения – не локализовано (М. Солодка построила бинарную оппозицию с использованием «не», что часто встречается в научной литературе и, на наш взгляд, допустимо). В этом случае социальную ответственность можно реализовать на практике единственным способом, на который указывает Г. Йонас: «Начать с того, что с распределением вероятностей благоприятного и неблагоприятного исхода неизвестного эксперимента все обстоит совершенно так же, как с попаданием и непопаданием в цель: попадание в цель представляет собой лишь одну из бесчисленных альтернатив, представляющих собой более или менее удаленные от нее неудачные попытки. И хотя в случае мелочей мы можем смириться с большим числом таких неудач ради того, чтобы достичь редко выпадающего успеха, в случае предметов более значительных их количество должно быть весьма и весьма ограниченным, когда же дело идет о вещах поистине великих, необратимых, затрагивающих корни всего человеческого предприятия в целом, неудач не может быть вообще... Не обладая ни терпеливостью, ни медлительностью, громадное предприятие современной технологии собирает (как предприятие в целом, так и отдельные его проекты) множество крошечных шажков естественного развития воедино, в несколько скачков колоссальной величины, и тем самым лишается обеспечивающих устойчивость жизни преиму-

ществ действующей на оцупь природы» [1, с. 51].

В отношении любого действия, независимо от значимости объекта, на который оно направлено, можно утверждать, что оно не может быть совершено без всякого риска неосуществления. Но даже если предположить возможность достижения поставленной цели без всякого риска в отношении ее, то совершенно невозможно представить точный прогноз всех последствий, сопутствующих ее достижению, экстерналии неизбежно многочисленны и малопредсказуемы. Это вполне понятно Г. Йонасу, поэтому он пишет: «А если принять во внимание еще и вышеуказанную, существующую независимо от всего прочего диспропорцию вероятностей, становится вполне естественной заповедь: в отношении вещей, связанных с возможным наступлением столь капитальных последствий, придавать угрозе большее значение, чем обетованию благ, и избегать апокалиптических перспектив даже ценою того, что при этом останутся нереализованными эсхатологические свершения» [1, с. 52].

Обратим внимание на то, что угрозе, действительно, следует придавать большое значение, однако любой хозяйствующий субъект в условиях современной экономики действует в целой системе угроз, которые в разной степени актуализированы. В условиях, когда непосредственной угрозы нет, актуализируются отдаленные, возможно, более значимые для него самого или всего человечества угрозы, а возможно и нет – ведь будущее в глобальном смысле малопрогнозируемо. Непосредственная угроза более актуальна не из-за своей глобальной значимости, а в силу предсказуемости.

В связи с этим стоит обратить внимание на то, как отреагировали на вопрос об ответственности перед будущим менеджеры воронежских предприятий в периоды экономического подъема 2007 г. и кризиса 2009 г. В период благоприятной экономической конъюнктуры в качестве наиболее важных объектов КСО будущее назвали 60 % опрошенных, в период кризиса – только 12 %. Управленцы сконцентрировались на более актуальных проблемах.

Видимо, ответственность за будущее не может формироваться в условиях неблагоприятного настоящего даже в абстрактном виде, для этого необходима некоторая отвлеченность от актуальных угроз. Тем более маловероятно ориентировать менеджеров на реализацию конкретной модели будущего устройства мира, если приходится действовать в условиях ухудшающегося настоящего,

выдвигающего многочисленные, хотя, возможно, и безопасные для жизни проблемы. Поэтому корпоративная социальная ответственность должна быть ориентирована на те объекты и их инстанции, которые реально существуют в настоящем и прогнозируемом будущем.

Помимо отмеченного выше самопроизвольного изменения окружающей человека среды, следует остановиться на самой желательности сохранения того, что есть в неизменном виде. Это не кажется самоочевидным. Проблема заключается в том, что мы не знаем, и в принципе не можем знать, что есть благо для будущих поколений. Чтобы оценить перспективу, надо обратиться к ретроспективе. Что из прошлого мы возьмем сегодня себе? Немного. Во всяком случае, из того, что касается материальной составляющей нашего окружения. Прошлое и настоящее довлеют над будущим, желание сохранить все в стабильном состоянии консервативно. Движение луддитов было направлено на сохранение статус-кво в технико-технологическом и социально-экономическом аспектах. Но сегодня вряд ли кто захочет оказаться в мало затронутом преобразованиями мире, технологическая составляющая которого представлена ремеслом и мануфактурой. А ведь это – относительно недавнее прошлое.

Первый императив Г. Йонаса необходимо усилить. В системе социальной ответственности бытие человека настоящего и будущего должно быть равнозначным. Нельзя приносить в жертву ни одно из них, что может быть достигнуто с помощью баланса сил субъектов ответственности.

В большинстве случаев оказывается, что нас привлекает не «хорошее», а привычное, значительная часть людей, в том числе и в производственной сфере, не желает движения ни к «худшему», ни к «лучшему». Это нормально, и в этом заключается их важная функция – стабилизация системы. Без этой прослойки людей системы не было бы вообще, все связи между элементами менялись бы так быстро, что социум не мог бы «стать», навсегда оставаясь в стадии возникновения. К счастью, это невозможно. Консерватизм – тоже системное качество досоциального происхождения. В систему корпоративной социальной ответственности должны быть включены субъекты, имеющие противоположную направленность – к инновационному развитию и сохранению традиций. Это уравновесит систему, придаст ей известную стабильность и динамичность одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – Режим доступа: http://makhankov.ucoz.ru/load/tekst_russkogo_perevoda_knigi_gansa_jonasa_quotprincip_otvetstvennostiquot/1-1-0-15 Текстовая копия 293 с.

2. Ксенофонт. Домострой / Ксенофонт. – СПб., 1993.

Воронежский государственный университет

Никитина Л. М., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления организациями

E-mail: lanikitina@yandex.ru

Трещевский Ю. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления организациями

E-mail: utreshevski@yandex.ru

3. Солодка М. С. Ответственность субъекта управления : состояние проблемы и перспективы исследования / М. С. Солодка // Credo. – 1998. – № 1. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/65/50/>

4. Маркс К. Капитал / К. Маркс. – М., 1973. – Т. 1. – 907 с.

5. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь / Л. Гумилев. – М., 2004. – 656 с.

Voronezh State University

Nikitina L. M., Candidate of Economics, Associate Professor of the Economy and Management by the Organizations Department

E-mail: lanikitina@yandex.ru

Treshchevskiy Y. I., Doctor of Economics, Professor, Head of the Economy and Management by the Organizations Department

E-mail: utreshevski@yandex.ru